Эпилог.

28 декабря.

Пока я лежал на кровати, часы передо мной показывали эту дату. Когда я проснулся в первый раз, на них было написано 25-ое декабря. С тех пор, каждый раз, когда я видел изменение даты, мной овладевало чувство безопасности.

В конце концов, это было доказательством того, что я сбежал из петли.

— Результат обследования такой же.

И, тем не менее, теперь, когда я увидел его, я не мог почувствовать ничего кроме пустоты.

Потому что хоть я и сбежал из петли, но цена, которую мне пришлось за это заплатить была неизмеримо велика.

— Куроэ Ричи. Шансы того, что ваша правая рука восстановится крайне низки.

— Понятно.

Это было всем, что я сумел ответить на слова врача.

— Это из-за того, что ваши нервы повреждены сами по себе. Это отличается от простого перелома кости.

— Понятно.

Врач продолжал посыпать мои раны солью, в то время как я давал одинаковые ответы.

— Не то, чтобы надежды не было вовсе. Если вы продолжите реабилитацию, то я уверен, что вы сможете двигать ей, как и прежде. Я тоже буду вас поддерживать. Давайте вместе постараемся изо всех сил.

— Ладно.

Он думал, что эти красивые слова успокоят меня? Действительно ли этот врач понял это? Я возможно даже больше не смогу двигать правой рукой, понимаете?

Было ли это от того, что я держал подобные мысли при себе? Моё сердце испытало внезапный шок.

— В любом случае, продолжайте отдыхать некоторое время.

— Хорошо. Спасибо.

Я оставался равнодушным до тех пор, пока врач не ушёл. Я был благодарен, что он подбодрил меня ещё раз перед уходом, но какой смысл был в мотивировании себя сейчас, чёрт побери…

Я закрыл дверь палаты с тихим звуком просочившегося воздуха.

После того как врач ушёл, я остался один. Из-за этого тишина стала ещё глубже и я больше не мог успокоиться. Никогда не думал, что быть в одиночестве настолько больно.

— Блин…

Сейчас это был перебор. Вместе с тем, что я доверил себя кровати, я в итоге погрузился в свои мысли.

— Полагаю, я должен считать себя счастливчиком, раз мне повезло выжить после такого ужасного падения…

Даже когда я пытался сказать что-то позитивное, оно ощущалось слишком сухим.

Я знаю. Сколько бы раз я не пытался изображать из себя крутого, смысла в этом не было.

— Черт!

Я выругался, не задумываясь.

Я знал, что это нисколько не заставит меня почувствовать себя лучше, но я не мог не сделать этого.

Но, как я должен даже начать принимать это?

Это моя правая рука, понимаете?

Каждая часть моего тела приняла удар, но оказаться такой должна была именно моя рука!

Сказав мне, что я возможно больше никогда в жизни не смогу использовать её, что вы ожидали, чтобы я сделал?

— В таком состоянии, я даже не смогу нормально держать фотокамеру…

Чёрт, не шутите со мной!

Из всего, что могло произойти, почему произошло…

— Я сбежал из петли, но как я могу прийти к девочкам с чем-то таким.

Чёрт побери.

Тук, тук!

Пока я был погружён в свои мысли, я услышал сдержанный стук в дверь. Когда я в спешке вытер глаза и ответил на него, мой голос прозвучал несколько дрожащим. В короткий промежуток времени, который требуется для открытия двери, я тихо вздохнул.

В конце концов, сейчас перевалило за десять утра. Единственной кто пришла бы сразу после того как начались часы посещений была она.

— Ричи…

У девушки – Нацуми, когда она вошла в палату на лице было тяжёлое выражение, как если бы она пришла сюда, чтобы её отругали.

Факт того, что она сжимала своё пальто до такой степени, что сморщивала его, заставлял это выглядеть так, словно ей было намного больнее, чем мне, несмотря на отсутствие каких-либо

ран.

— О, Нацуми. Ты пришла снова? Спасибо за то, что делаешь это во время этих ценных зимних каникул.

— Нет, всё в порядке. Но извини. Если я беспокою тебя, тогда я уйду…

Даже сейчас, когда я представлял себе, как Нацуми прыгает с крыши, я просто не мог позволить себе утопать в горе. Если бы я сейчас показал ей мрачное выражение, то я был уверен, что она на полном серьёзе прыгнет с крыши.

— Ты идиот. Это никак не может быть правдой. Просто мне тоже было скучно.

— Ладно…

— На улице холодно?

— Ага…

— Всё ещё идёт снег?

— Угу…

— Ах, боже, какая утрата. Это было редкое Белое Рождество(1) и в итоге я его пропустил.

— Мне жаль…

— Повторяю это не твоя вина.

— Ладно. Извини…

Вне зависимости от того, что я ей говорил, она отвечала либо рассеянным кивком, либо извинялась. Казалось, что ей не хватает жизненности, возможно, это было из-за того, что она не спала ночью.

Меня расстраивало видеть её такой день за днём. Её глубокий эмоциональный шрам делал болезненным наблюдение за ней.

— Я видела, как из твоей палаты раннее выходил врач…Что-то случилось?

Когда она выдавила из себя голос, чтобы задать этот вопрос, я с секунду не знал, как ответить. Но я не был уверен в том, что произошло бы, если бы я сейчас соврал ей и сказал, что результаты обследования были хорошими.

Будет ли она счастлива? Вполне возможно. С того момента, как меня доставили в больницу в канун Рождества, она никогда не отходила от меня. Даже когда они в первый раз сообщили мне результаты обследования.

Вот почему она знала.

Что возможно я никогда больше не смогу использовать свою руку. И насколько сильно это откровение повлияло на меня.

Так что если я солгу, она определённо будет счастлива. Но…

— Ну, сегодня пришли результаты.

— !

Когда я начал говорить, тело Нацуми жутким образом встряхнулось. Пальто, которое она сжимала соскользнуло с её колен.

— Твоя рука вылечится, верно…?

Когда она опасливо спросила меня, я молча покачал головой.

В тот момент, когда она услышала это, её лицо исказилось, как будто она вот-вот заплакала бы. Увидев её такой, я почувствовал, будто смотрел на самого себя. Я сам был на грани слёз.

Прости, Нацуми. Я всё ещё не могу сказать тебе такую сказочную ложь.

— Похоже, что гвоздь, который в тот день вонзился в мою руку, повредил мои нервы. Улучшится состояние или нет… покажет только время.

Моё сердце скрипело, когда я выдавил эти слова. Это был факт, который, сказав его вслух, я был вынужден принять.

И это было ужасно тяжело.

— Тогда, ты останешься таким навсегда…?

— Это тоже нечто, что только время покажет.

— Вот… как…

Она опустила свои плечи в полном неверии. Пока время текло без каких-либо разговоров, я не знал, что должен был сейчас чувствовать.

Моя правая рука, которая получила травму, когда я упал с кучи мусора, могла больше никогда не пригодиться. Я не мог двигать её частью, которая начиналась от локтя даже немного, поэтому я не мог даже нормально есть.

— Уу… Хмык…

Неожиданно, я заметил, что Нацуми плакала. Её слёзы текли, не скрываясь.

— Прости, Ричи… Прости… Из-за меня…

Я не был уверен в том, что должен был сказать ей, когда она извинялась передо мной.

Осторожно убедить её в том, что это была не её вина?

Даже если я сам не справился с этим должным образом?

Дайте передохнуть.

Сейчас мне не хватало такой смелости.

На самом деле у меня ушли все силы на то, чтобы не впасть в истерику.

Но я знал, что если сейчас заплачу, то это ранит её ещё сильнее…

— Из-за того, что я не удержалась на ногах…

— Если ты подумаешь об этом, то это я был тем, кто предложил взобраться туда.

— Даже так, если бы я уделяла больше внимания…

— Это не твоя вина. Это не твоя вина, пожалуйста, не плачь.

Мои слова никогда не ощущались такими пустыми. Даже если я так сказал, это бы ни за что не успокоило её. Если бы я сейчас всё ей рассказал, то возможно это изменило бы ситуацию, но я не мог сделать даже этого.

Даже при том, что она плакала передо мной, разве не было ничего другого, кроме этих бессмысленных слов, которые я мог сказать ей? Я действительно был таким… бессильным…?

— Я сделаю всё, что угодно. Ради тебя, я сделаю всё, что угодно. Я сделала тебе что-то настолько ужасное.

— Нацуми…

— Если ты чего-то хочешь, я сделаю всё, что угодно. Это будет моим наказанием. Поэтому…

Вместе с этими словами, Нацуми положила руки на пуговицы своей блузки. Первая, вторая, она расстёгивала их одну за другой. Её белоснежная кожа была обнажена. Её мягкие выпуклости были покрыты кружевным бельем.

Мой разум не мог совладать с внезапным развитием событий. Что, ради всего святого, она творила…?

— Рань меня.

Её слова отразились в моём сердце. Этот шок, наконец-то, вернул меня в чувства.

— Что… ты делаешь…

На конце этих отталкивающих слов, она стояла опустив голову. Её волосы растрепались и закрыли лицо, так что я не смог увидеть её выражения. Контраст между её чёрными волосами и белоснежной кожей был потрясающе ослепителен.

— Нацуми, что, ради всего святого, ты делаешь…

— …

Она ничего не сказала. Она слабо обнимала своё тело одной рукой в беспомощной манере. Это выглядело так, будто она пыталась удержать себя, чтобы остаться на этом месте. Будто пытаясь сказать, что это её наказание.

— Нацуми…

Наполненный сожалением, я не мог контролировать свой дрожащий голос.

Уголки моих глаз чувствовались горячими, но мои слёзы остались внутри, как если бы я

вообще позабыл, как плакать. Моё горло было на грани того, чтобы разразиться рыданиями, но оно не смогло пересечь эту финальную черту.

— Что происходит. Что ты делаешь…

Видя её жалкое состояние, моё сердце чуть было не разорвалось от печали.

Видя её душераздирающее состояние, я чувствовал некоторые неописуемо плохие чувства, заполняющие глубины моего сердца.

Пожалуйста, остановись, Нацуми.

Тебе не нужно заходить так далеко.

— Нацуми, прошу прекрати… Я умоляю тебя…

Вместе с этими словами, я печально потянулся к ней.

Её плечи дёрнулись. Избегая хоть малейшего прикосновения к её телу, я пытался застегнуть пуговицы её блузки, но её рука встала на пути и всё пошло не так, как планировалось.

— Ричи, что ты…? Ты собираешься ранить меня, верно? Если нет, то это не послужит наказанием.

— Не… Не говори нечто подобное. Пожалуйста…

Нацуми. Как сильно тебя загнали в угол? Наказание…? И для этого ты преподносишь мне своё тело?

Ты ошибаешься, Нацуми.

Это определённо не то, чего я желаю.

— Что ты делаешь. Нет, прекрати, Ричи! Прекрати относиться ко мне так любезно!

— Молчи и стой смирно.

Из-за того, что моя правая рука была бесполезна, у меня были огромные трудности с застёгиванием её блузки. Она продолжала елозить, но я заставил её сидеть смирно и каким-то образом закончил застёгивать её на груди.

—Хватит… Не будь добр со мной. Я не достойна чего-то подобного. Прошу, Ричи, рань меня… Если не ранишь, то я сойду с ума.

Её слова звучали так, будто она отчаянно пыталась найти спасение, они заставили моё сердце дрожать. Её глаза, окрашенные греховными цветами, вызывали мои плотские желания и притягивали меня, подобно световой ловушке.

Я был уверен, что она не откажется от этого.

Она приняла меня и она тоже желала этого.

Но именно поэтому я не мог сделать этого.

— Почему? Почему ты качаешь головой? Прошу Ричи, накажи меня. Не сдерживайся, рань меня. Кричи на меня, что я сделала тебе нечто ужасное, ну же, пожалуйста.

Она умоляла меня со слезами на глазах, но я всё равно качал головой. Даже если бы я сделал это, то наполняющая моё сердце пепельная печаль, сохранила бы тот же цвет.

— Если ты действительно желаешь наказания… тогда живи вместе со мной. Проживи это печальное и болезненное будущее, которое потеряло многие вещи.

Прямо сейчас я определённо говорил что-то очень жестокое.

Она скрывала такую огромную вину, но я говорил ей жить.

Но если она хотела наказания, то только это было уместно, не так ли?

— Твой грех будет искуплён, только если ты продолжишь жить.

И для меня это было также.

Я так сильно ранил её.

Мой грех может быть искуплён, только тем, что я продолжу жить вместе с ней.

— Это, правда, нормально? Действительно ли я могу оставаться рядом с тобой…? Я сделала нечто ужасное, но я всё равно могу остаться с тобой…?

Она посмотрела на меня, словно цепляясь за меня, выглядя прямо как потерявшийся ребёнок. Ненадёжный, встревоженный, полностью потерявшийся и находящийся на грани раставания…

— Риичии…

Когда я заметил, то обнимал её своей оставшейся левой рукой. Я обнимал её маленькую голову, прижимая её к своему плечу. Пока она продолжала всхлипывать и больше не могла видеть моего лица, я счёл это хорошей возможностью для того, чтобы молча пролить слёзы.

— Ты сможешь. Ты сможешь… Нацуми.

Я получил травму, которая возможно больше никогда не заживёт.

Я даже бессердечно повредил любовь, которую я так дорожил.

Тем не менее, было будущее, которое я получил.

Что было сделать лучше всего? Был ли какой-нибудь другой способ, которым я мог справиться с этим? Я продолжал думать, но ответа нигде не было видно.

Отсюда и жестокий вывод.

Я даже не мог выбрать его, меня принудили выбрать это. Бесконечно бесценную скоротечную вещь, которую мы зовём будущим. Ценой пожертвования многими вещами в обмен.

Я не мог согласиться с этим.

Я не мог даже разобраться в своих чувствах.

Возможно, я продолжу жалеть об этом всю оставшуюся жизнь, думая, что там могла быть другая возможность, другой способ сделать это.

Всё же, если это будущее, к которому мы пришли, тогда у нас нет другого выбора, кроме как попытаться сделать с ним что-то с сегодняшнего дня.

Любовь Нацуми была закрашена чувствами вины в её сердце…

И я даже не мог обнять её своей раненой рукой…

Но даже в таком случае, у нас нет другого выбора, кроме как стремиться к будущему и жить дальше.

— Уэээ… ууух… хнык…

— Кх…

Даже если это значит, что я должен вымокнуть от слёз двух людей. Даже если мы продолжим вспоминать это горе каждый раз, когда будет наступать это время года.

Тот, конечно, такой весёлый канун Рождества больше когда-либо не навестит нас.

***

После того, как Нацуми выплакалась, она ушла домой с жалким выражением на лице. Я остался один в палате и погрузился в свои мысли, смотря на светящий сквозь окно лунный свет.

О будущем и о прошлом.

Настанет ли день, когда я смогу принять это горе в своём сердце?

— Луна сегодня, определённо прекрасна.

— Ага. Она настолько ослепительна, что я чуть не плачу.

— Это нормально, если ты заплачешь, знаешь? Даже если ты не можешь плакать перед Нацуми-сан, пожалуйста, плачь передо мной.

— Я думал, что ты уже вернулась в будущее, Ринка.

Дверь закрылась со слабым звуком. Проходившей через туманный свет была девочка с белоснежными волосами и флуоресцентно-голубыми глазами.

Я не видел её последние несколько дней и теперь она была в ужасном состоянии с покрывающими её голову и бёдра повязками.

— Большое спасибо тебе, Ричи-сан. Благодаря тебе, будущее может быть защищено.

Искренность её слов, которые она произнесла, опустив голову, просочились в меня, будто пытаясь утешить моё изношенное от печали сердце.

— Так, зачем ты пришла сюда сегодня? Да ещё и в такой час.

— Ты такой холодный. Ты не хочешь хотя бы увидеть моё лицо?

— Кто бы говорил. За эти последние несколько дней ты ни разу не показала своего лица.

— Ну, у меня тоже были дела.

Я мог ответить ей лишь небольшим понимающим кивком.

— Ты выглядишь совсем никаким. Всё в порядке?

— После того, как осознал, что вырвался из петли более или менее. Эй, мне удалось чего-нибудь добиться?

— Удалось. Я уверена в этом.

Мой вопрос позабавил её, заставив просочиться слабую улыбку. Подумать только, что мне удалось чего-то добиться в этом будущем, где остались только печаль и боль.

— Это ты столкнула Нацуми в тот момент, не так ли?

— Так ты заметил?

— Ну, заметил.

Выражение Ринки, которое я увидел прямо перед тем, как моё сознание отрезало. В нём не было ни беспокойства, ни нетерпения, вместо этого всем, что я сумел различить была горечь, вызванная признанием окончательного результата.

— В будущем это правильный результат?

— Да…

— Тогда тут ничего не поделаешь…

— От того, что ты говоришь такое, я чувствую облегчение, но тебя это в самом деле устраивает?

— Разумеется, если ты спросишь у меня устраивает ли это меня, то моим ответом будет решительное «нет». Но это уже в прошлом. Что означает… да, тут ничего не поделаешь.

— Ричи-сан, ты стал сильным.

Выражение Ринки… оно выглядело напряжённым, как будто она заставляла себя смеяться. Верно, она, наверняка, страдала от этого точно так же. Она страдала от того, что сделала, от результата, который это вызвало и, наконец, от прихода сюда.

— Как Нацуми-сан?

— Ужасно. Честно, я даже смотреть не могу.

Она ранила меня. Она, наверняка, думала так, не зная о существовании Дивы или личности Ринки. Вот почему она укрывала невероятную вину и была раздавлена ею.

— Я действительно сделал нечто ужасное, не так ли…

— Тем не менее, это надо было сделать, верно? Так что мы должны нести это бремя. И ты, и я.

— Действительно.

Неожиданно, когда я сделал глубокий вдох, в моей голове возникла другая мысль.

— Говоря по правде, я, возможно, вообще не желал будущего.

Произнёс я, смотря в окно.

— Ты жалеешь об этом?

Спросила в ответ Ринка ясным голосом.

— Ага. Нацуми раздавлена виной, в то время как я получил раны, которые могут или не могут вылечиться.

— Но твой тон говорит об обратном.

— Ну, это должно быть от того, что я устал. Должно быть так.

Моё сердце было спокойным, как будто это было самой естественной вещью. Когда здесь была Нацуми, оно было полно вины, но сейчас оно было неподвижно, как поверхность спокойного озера.

Я чувствовал себя спокойно, но иногда, я также чувствовал себя ужасно. Разумеется, это спокойствие снова будет выкинуто в беспорядок.

Из-за сожалений, привязанностей и вины.

«Не таким должно было быть будущее», – оно, безусловно, не было бы чем-то настолько неблаговидным и не классным.

Но всё же, я уверен, что буду переосмыслять это каждый раз.

«Тем не менее, я прибыл в будущее, где смогу жить с Нацуми. Отныне всё зависит от нас двоих».

— Точнее, я не смогу сделать этого, пока не стану думать так.

Будущее было синонимом страдания.

Оно было переполнено печалью.

Тем не менее, мы оба поклялись жить дальше. Мы приняли горе друг друга.

— Видишь ли, отныне, я обязан быть рядом с ней. Если вина, которую она испытывает моя вина, тогда я обязан посвятить остаток своей жизни избавлению от неё.

Вот почему это моё решение.

Это моё решение, а также то, что я поклялся.

— Отныне это будет суровый путь. До тех пор, пока она чувствует эту вину, Нацуми-сан не признается тебе, и даже если ты сам признаешься ей, она никогда не примет этого. Она не

позволит себе быть счастливой с тобой.

Наверняка это будет так, как она и сказала.

В настоящее время её сердце было полно её вины по отношению ко мне и для любви не осталось ни малейшего места, и даже если она расцветёт, то будучи той, кем она является, она наверняка бы заточила её в своём сердце.

— Для тебя это то же самое, Ричи-сан. Внутри тебя есть вина за то, что ты ранил её. Поэтому вы двое не можете ни разойтись, ни стать ближе. Эти похожие на проклятье, такое отношение продлятся ещё долгое время, пока не настанет то время.

Её флуоресцентно-голубые глаза красиво сияли в тёмной комнате. Когда она направила эти глаза прямо на меня, я ответил твёрдым кивком.

— Я сделаю всё возможное. Я, наконец-таки, добрался сюда после того, как прошёл через столько петель. Кроме того, после всего сказанного и сделанного, я, правда хочу быть с Нацуми. Я имею в виду…

— В конечном итоге, я люблю Нацуми.

В итоге это было то, что я чувствовал на самом деле. Вне зависимости от того сколько я страдал или скорбел, эти чувства никогда не изменятся.

— Понятно. Я рада слышать это.

Она расцвела тёплой улыбкой. Она выглядела настолько похожей на ту, которую сделала бы Нацуми, что я спонтанно открыл свой рот.

— Эй, как бы ты назвала мои с Нацуми отношения? Отношения, которые не являются ни дружбой, ни любовью.

— Даже я не знаю ответа на это.

Так и думал. В итоге, теперь мы должны также узнать характер наших отношений.

— Будущие я и Нацуми… счастливы?

— Да, я уверена. Отныне вы двое будете подвержены угрозе Дивы. Но даже в таком случае, всё будет в порядке. Если это вы двое, то вы определённо придёте в счастливое будущее.

— Как ты можешь быть настолько уверенной в этом?

— Потому что я само доказательство этого…Папа.

— Что…ты только что…?

— Кто знает? Это что-то, что ты узнаешь в будущем, – с этими словами Ринка развернулась на своих пятках и открыла дверь палаты. Она шагнула в тусклый, пронизанный тишиной свет и закрыла дверь. Слова, которые она оставила после себя в тот момент, навсегда останутся в моём сердце.

— Что ж, наслаждайся своим будущим и наслаждайся своей жизнью.

1. Белое Рождество – снежная погода в канун Рождества или сочельник.

http://tl.rulate.ru/book/37986/839344